

От *benedictio* к *maledictio*: Некоторые аспекты политики, проводимой Бонифацием VIII в борьбе с врагами церкви в контексте первого юбилея

Yulia Maslova

Юбилей, провозглашенный в 1300 году, вопреки своей важности в истории католической церкви и средневекового паломничества далеко не сразу занял должное место в историографии.¹ До появления фундаментального труда выдающегося историка Арсенио Фругони он чаще всего рассматривался в рамках спиритуальной политики, однако только с конца восьмидесятых лет прошлого столетия интерес к этой проблематике стал непомерно возрастать.² Суть данного исследования состоит в том, чтобы подробнее проанализировать юбилей во взаимосвязи с политико-религиозными представлениями Бонифация VIII и выявить другие возможные интерпретации его в этой плоскости. Полагаю, что вполне справедливо походить к исследованию этой темы с точки зрения двух подходов. Согласно первому из них, который можно условно обозначить, как глобальный, акцентируется уникальность *anni sancti* и рассматривается его перспектива в качестве своеобразной исторической границы или даже революционного изменения на уровне религиозного дискурса.³ С точки зрения другого подхода, который назовем узкоспециализированным, наоборот, необходимо сосредоточиться на отдельных аспектах развития юбилея, прослеживая

-
- 1 Эта статья опубликована в рамках исследовательского проекта грантовой службы Карлова университета (GAUK) No. 259656 под названием „*Formování ceremonie ‚maledictio‘ za pontifikátu Bonifáce VIII. a její využití při vyhlášení prvního jubilejního roku [Формирование церемонии ‚maledictio‘ за период понтификата Бонифация VIII и ее применение в течение первого юбилейного года]*“ реализуемого на философском факультете Карлового университета в Праге.
 - 2 A. FRUGONI, *Il Giubileo di Bonifacio VIII*, in: *Bollettino dell’Istituto Storico Italiano per il Medio Evo e Archivio Muratoniano*, No. 62, 1950, с. 1–121.
 - 3 Примером такого подхода могут служить работы Н. А. СЕЛУНСКОЙ, Юбилей и юбилей. Универсальная идея и локальная римская история, in: *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, Вып. 25, 2008, с. 12–21; Свидетельства кризиса и жажда спасения: запрещенная роскошь, святая бедность, искупительный юбилей в средневековой Италии, in: *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*, Вып. 34, 2011, с. 290–310; Свидетельства кризиса и идея юбилея в средневековой Италии, В: *Кризисы переломных эпох в исторической памяти*, Под ред. Л. П. РЕПИНОЙ, Москва 2012, с. 87–111.

логику его исторического развития, например в области канонического права, теологии, политики и т.д. В силу актуальности обоих представленных подходов, настоящая статья будет сочетать в себе их элементы.

Для того, чтобы правильно определить какое место занимает данное событие в политике Бонифация VIII необходимо совершить краткий экскурс в предшествующий период его понтификата и постараться внимательнее приглядеться к личности папы, который вне зависимости от степени проявления народной средневековой религиозности сыграл в учреждении юбилея ключевую роль.

Понтификат Бонифация VIII (настоящее имя Бенедетто Гаэтани) начался в 1294 году после более чем двухлетнего *sedes vacante*, наследовавшего по смерти Николая IV и краткого понтификата Целестина V. В наследство ему достались финансовые проблемы и общий упадок авторитета Святого престола. Папский двор под давлением Карла II Анжуйского обосновался в Неаполе, а тем временем Рим и, собственно, папскую курию раздирали бесконечные распри между представителями знатных римских родов.⁴ Пожалуй, трудно однозначно опровергнуть высказывание Фердинанда Грегоровиуса о том, что Целестин V мог быть прекрасным пастырем душ еще во времена ранней церкви, но на троне Иннокентия III его присутствие во многом казалось нестерпимым уродством.⁵ Перед тем, как стать главой церкви Бенедетто Гаэтани изучал светское и церковное право в Тоди, Сполето и Париже, а в последствии был назначен кардиналом-диаконом и кардиналом-священником, успешно совмещая эту службу с обязанностями папского легата. Став избранным папой, он выбрал имя Бонифация, что очевидно являлось однозначным стремлением подчеркнуть свое особенное положение, ибо в тринадцатом столетии папы зачастую выбирали себе имена, которые носили их относительно недавние предшественники. Самым известным понтификом с тем же именем был Бонифаций VI (ум. 625 г.), канонизированный церковью вскоре после смерти и прославившийся тем, что способствовал, с разрешения императора Фоки, превращению Пантеона в христианский храм. Принявшись энергично решать поставленные перед церковью проблемы, Бонифаций VIII применил все свои знания и связи. Однако в целом, в оценке многих современников, а позднее и некоторых историков, его понтификат получил во многом негативную окраску.⁶ Несмотря на то, что он умел прекрасно использовать свои организаторские способности, как в отношении синьории Гаэтани, так и целой папской области, он проявлял чрезмерное высокомерие, был известен своей нетерпимостью по отношению к противникам и при этом во многом оставался недальновидным

4 Об обстановке в Риме в рассматриваемый период см., например: R. BRENTANO, *Rome Before Avignon: A Social History of Thirteenth-Century Rome*, Berkeley 1991; R. KRAUTHHEIMER, *Rome: Profile of a City, 312-1308*, Princeton 1980.

5 Ф. ГРЕГОРОВИУС, *История города Рима в средние века (от V до XVI столетия)*, Москва 2008, с. 944.

6 Подробнее о понтификате Бонифация VIII: H. FINKE, *Aus den Tagen Bonifaz VIII. Funde und Forschungen*, Munster 1902; T. S. R. BOASE, *Boniface VIII*, London 1933; A. P. BAGLIANI, *Bonifacio VIII*, Torino 2003.

политиком, свято верившим в нерушимость теократических идей со времен Григория VII, и открыто вступал конфликт со светской властью, прежде всего с французской монархией. В духе своего времени, на этого двадцатого по счету папу, сыпались обвинения в nepотизме и симонии, а также в том, что он обманом заполучил папский престол, способствуя отречению Целестина V, после чего вероломно заключил благочестивого старца в крепости в Фумоне, где тот впоследствии и умер в 1296 году. Можно сказать, что в течение почти всего своего понтификата Бонифация VIII в столкновении со своими противниками приходилось в большей или меньшей степени решать вопрос легальности своего избрания. Например, в конфликтах с целестинцами и францисканцами спиритуалами, которые воспринимали Целестина V в качестве *rara angelicus* и ожидали, что с его приходом должно осуществиться пророческое царство Святого духа согласно представлениям Иохима де Фьоре. Даже в период святого года были все еще слышны отголоски критики подобного рода. Таким образом, решая эти проблемы, Бонифаций VIII стремился также к тому, чтобы ограничить радикальным мендикантам свободу передвижения во избежание проповедования ими опасных идей. Забегая несколько вперед, стоит отметить, что в знаменитом судебном процессе против Бонифация VIII, проводимом *post-mortem* в 1309–1311 годах с разрешения Клементя V, ему были предъявлены в качестве обвинения многие ключевые моменты проводимой им политики, которые можно было бы интерпретировать двусмысленно. В итоге, усилиями Пьетро Колонна и Гийома ди Ногаре, бывший папа оказался представлен миру в качестве „идеального еретика“, а имя его оказалось надолго искажено на *Maleficus*.⁷

Однако к 1300 году, казалось бы, в политике Бонифация VIII уже произошло все, что могло произойти. Были осуществлены походы против Сицилии в 1296 и 1299 годах, а с периода с 1297 года по 1298 год папа организовал свой самый знаменитый политический „крестовый поход“ против рода Колонна, одного из самых могущественных в Риме и открыто конкурирующего с интересами синьории Гаэтани и церкви. В результате их мощь была сломлена, а кардиналы Джакомо и Пьетро Колонна лишены сана. Итогом этой „священной войны“ стало также разрушение Палестрины, где находился их родовой замок. Туда целиком обрушился „ветхозаветный гнев“ Бонифация VIII, приказавшего сравнять с землей все строения кроме кафедрального собора и посыпать там землю солью.⁸ Стоит также подчеркнуть, что и буря в отношениях папы с французской монархией в лице Филиппа IV к 1300 году затихла.

7 Примером искажения имени Бонифация VIII в политико-религиозном производстве является: I. da TODI, *Laude*, F. MANCINI (Ed.), Bari 1974, с. 83; Основная литература по теме процесса против Бонифация VIII: T. SCHMIDT, *Der Bonifaz-Prozess: Verfahren der Papstanklage in der Zeit Bonifaz' VIII. und Clemens' V.*, Köln, Wien 1989; J. COSTE, *Boniface VIII en procès: Articles d'accusation et dépositions des témoins (1303–1311)*, Rome 1995.

8 Подробнее о борьбе Бонифация VIII с представителями семьи Колонна: A. REHBERG, *Kirche und Macht im romischen Trecento: Die Colonna und ihre Klientel auf dem kurialen Pfrundenmarkt (1278–1378)*, Tübingen 1999.

Как известно, Филипп IV, как и английский король Эдуард I принуждали духовенство платить высокие налоги, чтобы профинансировать войну, которую они вели между собой.⁹ В ответ на это в 1296 Бонифаций выдал буллу *Clericis laicos* в которой наложил интердикт на всех, кто вымогал эти налоги без разрешения папы, так как в том случае нарушался пункт четвертого Латеранского собора.¹⁰ Несмотря на то, что в целом в этом конфликте папе не хватало прозорливости и дипломатического подхода, чтобы верно оценить ситуацию, неожиданно произошло примирение в июле 1297 года, когда была выдана булла *Etsi de statu*, которая позволила королям самим в случаях войны и опасности для государства изымать с духовенства налог.¹¹ В этот же период папа принял решение о причислении к лику святых Людовика IX, что предоставило Филиппу IV больше возможностей в укреплении, так называемой, „политическая теологии“ французских королей. Позднее, события ясно указали на то, что нерешенный окончательно вопрос между светской и церковной властями оказался лишь затишьем перед бурей.

И хотя 1300 предстал всеобщему вниманию, как год христианского мира и обновления, например, кардинал Якопоне Стефанески, первый историограф юбилея, называет его золотым периодом, он не был на столько идиллическим, как его можно бы было себе предствить.¹² Все еще горели костры инквизиции в Милане в борьбе с гумилиатами (ересь сформировавшаяся в рамках апостольского и евангелического движения тринадцатого столетия), на город Сполето был наложен интердикт, а римские сенаторы Рихард Анибальди и Джентилис Орсини вели войну с Тосканеллой, к тому же постепенно ширился слух о монгольском нашествии на христианские земли запада.¹³ Согласно сведениям из хроник английские паломники приходили в меньшем количестве из-за военных столкновений, которые вели Англия и Франция.¹⁴ Но не смотря на то, что в период средних веков провести целый год на столь широкой территории без военных столкновений было бы просто невозможно, первый юбилей как уникальное событие можно рассмотреть и в смысле продолжения воинственной политики Бонифация VIII. Но чтобы перейти к этому аспекту следует кратко осветить, в какой обстановке проходил юбилей и из каких событий он состоял.

9 J. H. DENTON, *Philip the Fair and the Ecclesiastical Assemblies of 1294–5*, in: Transactions of the American Philosophical Society, Вып. 81, 1991; *Taxation and the Conflict between Philip the Fair and Boniface VIII*, in: French History, Вып. 11, 1997, с. 241–264.

10 *Clericis laicos*, in: A. THOMAS — M. FAUCON — G. DIGARD et al. (Eds.), *Les Registres de Boniface VIII (1294–1303)*, Т. 2, Paris 1907, No. 1567.

11 *Etsi de statu*, там же, no. 2354.

12 J. STEFANESCHI, *De centesimo seu iubileo anno. Testo latino e traduzione a cura di Annibale Ilari*, in: *La storia dei giubilei 1300–1423*, 1, Firenze 1997, с. 198–215.

13 B. NEWMAN, *The Heretic Saint: Guglielma of Bohemia, Milan, and Brunate*, in: Church History, Вып. 74, 2005, с. 1–38; *Les Registres de Boniface VIII*, no. 3727, 3731, 3897; S. SCHEIN, *Gesta Dei per Mongolos 1300; The Genesis of a Non-event*, in: English Historical Review, Вып. 94, 1979, с. 805–819.

14 R. H. BAUTIER, *Le jubilé romain de 1300 et l'alliance franco-pontificale au temps de Philippe Le Bel et de Boniface VIII*, in: Le Moyen Age, Вып. 86, 1980, с. 190–192.

Провозгласив первый юбилей Бонифаций VIII учредил одну из важнейших традиций католической церкви, духовно значимую и подкрепленную политически. Концепция юбилея, без сомнения, имела ветхозаветные корни, хотя и выходила за рамки пятидесятилетней модели.¹⁵ Тем не менее, некоторые исследователи в нем склонны видеть преимущественно влияние Нового Завета, что в некотором смысле сочетается с логикой евангелических движений тринадцатого столетия и одним из их главных аргументов является тот факт, что в провозглашающую его буллу не было включено само слово юбилей.¹⁶ Впрочем, идея юбилея в форме припоминания круглой даты и дарования индульгенций существовал и ранее, но при этом она была связана с перенесением мощей святых или повторным освящением храма.¹⁷ Одним из таких ярких примеров, который мог оказать непосредственное влияние на проведение первого столетнего юбилея является перезахоронение мощей св. Томаса Бекета в Кентерберии в 1220 году.¹⁸ Что касается, собственно римских паломников, то долгая предшествующая традиция поклонения Плату Вероники (от лат. *vera* — истинный и греч. *icon* — изображение) в Риме, которая была расширена и закреплена Иннокентием III в 1208 году тоже нашла свое отражение в первом юбилее.¹⁹ Роль этой реликвии была настолько высока, что позволила исследователям дискутировать на тему агиоцентрического и христоцентрического в концепции юбилея.²⁰

Согласно общему мнению провозглашение святого года свидетельствует о желании папы уважать религиозные стремления толпы и в тоже время адаптировать их представлениям римского духовенства. Но даже учитывая, что данное событие представляло собой на начальном этапе прежде всего черты типичной средневековой религиозности со своей спонтанностью и эсхатологи-

15 Юбилей упоминается в Библии только в Пятикнижии Моисея (Левит 25–27, Числа 36:4, Навин 6). „И сказал Господь Моисею на горе Синае, говоря:... в день очищения воспрутите трубу по всей земле вашей; и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя“ (Левит 25:1, 9–10).

16 *Antiquorum habet fida*, in: *Les Registres de Boniface VIII*, no. 3875.

17 Довольно интересные аналогии в этом можно найти даже с византийским обрядом, а также с традицией „малых юбилеев“ в Древней Руси. См. о том: А. GIPPIUS, *Millennialism and the Jubilee Tradition in the Old Russian History and Historiography*, in: *Ruthenica*, II, 2003, с. 61–71.

18 R. FOREVILLE, *Le Jubilé de saint Thomas Becket du XIIIe au XVe siècle (1220–1470)*, Paris 1958.

19 О развитии культа Вероники в Риме: В. J. DEBRA, *Pilgrimage to Rome in the Middle Ages: Continuity and Change*, (Studies in the History of Medieval Religion, v. 13), New York 1998; G. MORELLO, *La Veronica nostra*, in: *La storia dei giubilei 1300–1423*, I, Firenze 1997, с. 160–168.

20 Подробнее об этом: J. PETERSOHN, *Jubiläumsfrömmigkeit vor dem Jubelablaß*, in: *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*, Вып. 45, 1989, с. 31–53; M. MITTERAUER, *Anniversarium und Jubiläum. Zur Entstehung und Entwicklung öffentlicher Gedenktage*, in: E. BRIX — H. STEKL (Eds.), *Der Kampf um das Gedächtnis. Öffentliche Gedenktage in Mitteleuropa*, Wien 1997, с. 23–89; A. STICKLER, *Il giubileo di Bonifacio VIII: aspetti giuridico-pastorali* (Quaderni della fondazione C. Caetani, 2), Rome 1977.

ческими ожиданиями, оно с самого своего зарождения находилось под четким организационным контролем со стороны церкви.²¹

А главное продемонстрировало очевидный разрыв в так называемой народной и официальной перцепции первого милостного лета. В соответствии с трактовкой Бонифация VIII это событие логически замыкало череду предшествующих конфликтов, единственным верным для него образом, т.е. презентацией триумфа церкви во главе с ним. Папа основывал свое представление о полном отпущении грехов не только на теории сокровищницы церкви, но и, в большей степени, на силе ключей, которые эту сокровищницу в силах открыть.²² Впрочем, и для восстановления финансовой системы, расшатанной войной с Сицилией эти средства, очевидно, не стали бы лишними. Если бы его понтификат по каким-либо причинам окончился в этот год, в каком-то смысле это было бы славное завершение, окутанное лаврами, тем не менее, многие процессы приведшие к его падению в 1303 году уже явственно давали о себе знать в этот период.

Собственно говоря, слух о том, что 1300 год станет годом юбилея, или точнее, годом когда паломникам будут даровано полное или частичное отпущение грехов, стал распространяться по-видимому из северной Италии еще осенью 1299 года и толпы паломников в торжественном ожидании устремились в Рим уже к Рождеству. Хотя согласно традиции средневековой церкви особое значение в этом имело начало нового столетия, потому первый юбилей некоторые авторы в силу его специфики и особого ритма (один раз в сто лет), предпочитают именовать просто первым святым годом. Итак, утром 1 января 1300 года, к торжественной мессе по случаю праздника обрезания Господня, стали собираться паломники у базилики Св. Петра, существенную долю в которых скорее всего еще составляли сами римляне и жители ближайших городов с целью получить индульгенции обычно предоставляемые папами (особенно популярна эта практика была в период понтификата Николая IV). Примерно в это же время неизвестный клирик, так называемый *anonimo predicatore* проповедовал о предстоящем юбилее.²³ Некоторые авторы высказывают предположение, что этим проповедником мог быть сам кардинал Якопоне Стефанески. Согласно другим предположением им мог быть кто-то из клира базилики Св. Петра, в пользу чего может свидетельствовать стиль и лексика проповеди.²⁴ Однако в разрез с предписанием папского церемониала Бонифаций VIII не принял участие в тот день в торжественной мессе, вероятно в связи со смертью своего племянника или по состоянию здоровья. Если папская курия во главе с Бонифацием VIII и была захвачена врасплох, то скорее всего изначально была по-

21 R. MANSELLI, *La religiosità giubilare del 1300: Proposte di un' interpretazione*, Roma Anno 1300, in: Atti della IV Settimana di studi di storia dell'arte medievale dell'Università di Roma „La Sapienza“ (19-24 maggio 1980), a cura di Angiola Maria Romanini, Roma 1983, с. 727-730.

22 J. A. H. MORAN CRUZ, *Dante, Purgatorio 2, and the Jubilee of Boniface VIII*, in: Dante Studies, Вып. 122, 2004, с. 17.

23 STEFANESCHI, *De centesimo seu iubileo anno*, с. 198-200.

24 M. MACCARRONE, *L'indulgenza del Giubileo del 1300 e la Basilica di San Pietro*, in: A. M. ROMANINI (Ed.), *Roma anno 1300*, Roma 1983, с. 744.

гложена дебатами, как данное событие определить в законное русло и, конечно же, использовать наиболее выгодном для себя образом. и именно с этим связано то затишье, которое следовало до 22 февраля, когда была опубликована долгожданная булла *Antiquorum habet fida*. За это время к 17 января в базилике св. Петра была выставлена одна из главных реликвий Рима, ранее упомянутый Плат Вероники, который начиная от этого дня и каждую пятницу в течение всего святого года, включая главные церковные праздники, был представлен на всеобщее обозрение.

Поиск свидетельств о предыдущих юбилеях не увенчался успехом, но согласно источникам, по причине того, что предшественники были равнодушны к славе, а потому небрежны.²⁵ Однако, оральная традиция, которая была не совсем типична в решении таких вопросов дала необходимые подтверждения и позволила Бонифация VIII на нее опереться, прибегнув к процедуре обновления: „*confirmamus et approbamus et etiam innovamus*“.²⁶ Вместе с тем, внимательно изучая произведение кардинала Стефанески, может создаться обратное представление о том, что папа не слишком нуждался в историческом обосновании своих действий, ибо прежде всего руководствовался тем, что являлся преемником Святого Петра и использовал для этого соответствующие возможности канонического права. Наглядно это продемонстрировал он сам, когда пять лет до этого отменил индульгенции, предоставляемые в Л'Акуиле в базилике Санта-Мария-ди-Коллемаджо, установленные еще 29 сентября 1294 года Целестином V, обвинив своего предшественника в том, что тот порочил, таким образом, само понятие спасения души.²⁷

Булла *Antiquorum habet fida* была официально зачитана в базилике Св. Петра в день праздничной литургии в честь дня кафедры Св.Петра, что дополнительно подчеркивало концепцию буллы основанную на его авторитете. Согласно источникам, это была величественная церемония, на которой присутствовало множество людей. Амвон собора был богато украшен дорогими тканями из золота, а понтифик, в окружении кардиналов, произнес торжественную речь перед собравшейся толпой и на всеобщее обозрение был выставлен папский указ о провозглашении юбилея с тяжелой печатью и нитями из шелка. В этот же день в папской канцелярии усилиями скриптора понтифика Сильвестро да Адриа были подготовлены письма во все уголки западного христианского мира с объявлением юбилея и условий получения индульгенций. Год спустя в Париже Джованни Монако опубликовал глоссы к этой булле. Она имела ряд важных для нас особенностей. Во-первых она носила ретроактивный характер, т.е. распространяла начало святого года на период от Рождества несмотря на то, что выдана была позднее, во-вторых содержала двойную датировку, т.е. фактически была подготовлена несколькими днями ранее, но опубликована 22 февраля. Необходимо также указать на то, что вместе со второй буллой *Ad honorem*

25 STEFANESCHI, *De centesimo seu iubileo anno*, с. 198–200.

26 *Antiquorum habet fida*, in: *Les Registres de Boniface VIII*, no. 3875.

27 См. Буллы Бонифация VIII от 18 августа 1295 года, 20 ноября 1295 года и 23 июля 1296, in: *Archivio Segreto Vaticano, Registra vaticana* 47, с. 196 v-197 r., с. 204–205, *Archivio Segreto Vaticano, Registra vaticana* 48, с. 177.

Dei, которая завершала юбилей, она заключала в себе некоторую „теологическую революцию“, так как был образован новый тип индульгенций вне старой пенитенциальной системы и несвязанный с крестовыми походами в Святую землю. Как пояснял Джованни Монако, столетнее празднование гораздо важнее традиционного пятидесятилетнего, как раз тем, что включает в себя двойное отпущение грехов, т.е. *poena et culpa*.²⁸

Условием получения индульгенции было посещение базилик Св. Петра и Св. Павла за городскими стенами в течение пятнадцати дней для приезжих и тридцати дней для римлян, а также исповедь и истинное покаяние. Паломников в Риме в течение года было столько, что необходимо было открыть еще один вход в городской стене, а также регулировать движение на мосту Св. Ангела.²⁹ Хронист Джованни Виллани сообщает о цифре 200 000 тысяч человек, однако продовольствия на всех хватало.³⁰ Несмотря на то, что некоторые случаи давки все же случались, самих римлян нельзя было обвинить в негостеприимности и год завершился без каких-либо серьезных осложнений. Стоит также упомянуть, что многие враги Бонифация VIII не простившие ему войны с родом Колонна, были также обезоружены финансовыми выгодами первого юбилея на какое-то время. Тем не менее, факт обогащения римской курии в течение этого года вызывал критику со стороны гиббелинов, а позднее был использован в ранее упомянутом процессе, проводимом против Бонифация VIII в 1309 году. В соответствии с данными хроник базилика Св. Петра обогатилась в качестве пожертвоаний на 30 000 флоринов, в Св. Павла за городскими стенами на 21 000 флоринов.³¹ Но к этим цифрам трудно подходить объективно, например, кардинал Стефанески наоборот в своем произведении жаловался на то, что монахи чаще находили вместо золотых флоринов медные монеты, а нынешние короли уже не были похожи на трех волхвов и не приносили своих даров спасителю.³² Безусловно, тот факт, что никто из королей, не считая сына короля Неаполя Карла Мартелла, уже не искал в Риме отпущения грехов, расстроил понтифика, ибо он сам по себе демонстрировал, то что вера при королевских дворах несколько изменяла свой вектор.

Первый юбилей торжественно завершился буллой *Ad honorem Dei* опубликованной с окончанием церковного года на Рождество, которая была не менее „революционна“, чем первая булла.³³ Так как в ней папа продемонстрировал свою

28 G. MONACO, *Extravagantes Communes*, London 1570, I.IV, 9, c. 35: „*Per istam indulgentiam, que vere penitentibus et confessis conceditur, duplex indulgentia, culpe videlicet et pene habetur, et ideo congrue non in quinquagesimo, qui simplicem remissionem denotat, sed in centesimo conceditur, qui duplicem continent iubileum.*“

29 Подробнее о Риме в период 1300 года: H. KESSLER — J. ZACHARIAS, *Rome 1300: On the Path of the Pilgrims*, London 2000.

30 Д. ВИЛЛАНИ, Новая хроника или история Флоренции, пер. М. А. ЮСИМА, Москва 1997, с. 231. Согласно сведениям Вильяма из Вентуры паломников было два миллиона, W. of VENTURA, *Chronicon Astense*, in: *Rerum Italicarum Scriptores*, 11, L. A. MURATORI (Ed.), Milan 1727, col. 192.

31 Там же, col. 192.

32 STEFANESCHI, *De centesimo seu iubileo anno*, с. 204–205.

33 *Ad honorem Dei*, in: *Bullarium anni sancti*, 28, H. Schmidt (Ed.), *Pontificia universitas*

наивысшую милость и распространил отпущение грехов на всех тех, кто в силу особых причин не смог выполнить условия, сформулированные в *Antiquorum habet*. Таким образом, все те кто, был еще в пути или, находясь в Риме, не успел посетить необходимое количество раз базилики получил прощение, но главным стало то, что данная милость распространялась и на тех, для которых особой причиной стала их собственная смерть. От имени апостольского престола, крови Христа и добродетелей святых апостолов, папа был наделен или наделил себя возможностью даровать прощение от грехов и наказания за них в Чистище даже тем, кто был уже мертв.³⁴

Еще одной важной буллой этого юбилея, которая часто остается в тени милостного лета, является *Nuper per alias*.³⁵ Она была тоже датирована 22 февраля 1300 года и представляла собой исключение из милости святого года отлученных и восставших против церкви, а также всех купцов ведущих торговые отношения с неверными под которыми понимались враги Бонифация VIII из Арагона и Сицилии и представители семьи Колонна.³⁶ Позднее под эту формулировку мог попасть и Филипп IV за поддержку Колонна и согласно этой же логики Данте, как сторонник белой партии гвельфов во Флоренции. В отношении последнего, весьма примечательна статья Дж. А. Моран Круз, которая утверждает, что концепция загробной жизни в Божественной комедии является в некотором роде полемикой с папством по вопросу индульгенций.³⁷ Из текста буллы следует, что провозглашение юбилея с его полными индульгенциями основывается в том числе и на представлениях *ecclesia militans*, а потому борьба с грешниками и отступниками является оборотной частью этого события. Таким образом, только папа был в состоянии открыть врата рая для людей один раз в сто лет и наихудшим наказанием для его врагов в спиритуальном смысле могло недопущение участвовать в спасительном паломничестве. В тринадцатом столетии институционализация церкви проводилась также на основе проповедования страха и подобное исключение, по всей видимости, должно

gregoriana. Textus et documenta in usum exercitationum et praelectionum academicarum. Series theolgica, Rome 1949, c. 35–36.

34 О этой проблематике подробнее: А. CAMILLI, *La bolla giubilare di Bonifacio VIII: le indulgenze per i defulti e il ritardo di Casella*, in: *Studi danteschi*, Вып. 30, 1951, с. 207–209.

35 *Nuper per alias*, in: *Bullarium*, с. 34–35: „...illos falsos et impios christianos qui portaverunt vel portabunt merces seu res prohibitas Saracenis, vel ad terras eorum reportaverunt vel reportabunt ab eis nec non Fredericum natum Condam Petri olim regis Aragonum ac Siculos Nobis et Ecclesiae Romanae hostes, insuper Columnenses, damnatos per Nos nostros et apostolicae Sedis rebelles, et qui receptabunt Columnenses eosdem et generaliter omnes et singulos publicos hostes et rebelles praesentes et futuros Ecclesiae memoratae et impugnatores ipsius et qui dabunt scienter supradictis, vel eorum alicui seu aliquibus auxilium, consilium, vel favorem publice vel occulte ...“.

36 И все-таки предоставление юбилеями полных индульгенций могло стать последним шансом для отлученных, если они смогут найти для себя правомочного исповедника, которым при некоторых условиях мог быть и сам папа. E. VODOLA, *Excommunication in the Middle Ages*, London 1986, с. 57.

37 J. A. H. MORAN CRUZ, *Dante, Purgatorio 2, and the Jubilee of Boniface VIII*, in: *Dante Studies*, Вып. 122, 2004, с. 1–26.

было иметь свой вес. Однако, в свою очередь, те изменения, приводившие к меньшей действенности таких традиционных средств борьбы церкви с врагами, как отлучение и интердикт, тоже становились заметнее. В этом контексте стоит упомянуть то, что Бонифаций VIII внес один из самых больших вкладов в развитие папского права в отношении интердикта в тринадцатом столетии и открыто демонстрировал нежелание отвергать интердикт в качестве политического оружия.³⁸

Следующим важным моментом в рассмотрении этого вопроса является концепция крестовых походов, которая тесно связана с концепцией самого юбилея. Как известно, с самого начала понтификата Бонифация VIII не покидала идея возобновления крестовых походов. Со времени падения Акки в 1291 году, последнего христианского владения в Сирии, прошло уже достаточное количество лет, чтобы обдумать идею реванша, которая бы могла вновь объединить христианскую Европу во имя великой цели и усилить влияние католической церкви. Об этом он вел переговоры с Адольфом Нассауским и пытался убедить Эдуарда I отступить от столкновений с Филиппом IV в пользу похода для освобождения Святой земли. Но понимая, что его планам не суждено сбыться папа сделал упор на борьбу с более близкими врагами и был целиком поглощен проблемой присоединения Сицилии к Святому престолу и войной с семьей Колонна. Как справедливо заметил Г. Диксон, в связи с этим, метод крестовых походов не исчез из арсенала папства, а только лишь видоизменился.³⁹ Традиция связывать *annus sanctus* в контексте триады паломничество, крестовые походы и юбилей довольно давняя в историографии, но основная проблема всегда заключалась в проведении четких границ между этими явлениями.⁴⁰ Еще Бернард Клервоский в своих проповедях связывал воедино юбилейный год всепрощения и крестовый поход против неверных. Впрочем, в отличие от собственно крестовых походов юбилей был изначально крепко соединен с институтом папства, ограничен во времени и месте. Можно справедливо утверждать, что первый юбилей не являет собой в политическом смысле крестовый поход, главным образом, исходя из того, что последовало далее, тем не менее по нашему мнению, даже если Бонифаций VIII оказался не способен закрепить этот триумф в качестве политического преимущества в конфликте с Филиппом Красивым, не исключает того факта, что он под ним подразумевал и как намеревался использовать. т.е. важно не только что формально роднит первый святой год

38 Речь идет о *Liber sextus* (1298). В целом Бонифаций VIII смягчил условия общего интердикта (*generale interdictum terre*), однако существенно расширил практику персонального наложения интердикта. Общими работами по этой теме являются: P. D. CLARKE, *The Interdict in the Thirteenth Century: A Question of Collective Guilt*, Oxford, New York 2007 and *Two Constitution of Boniface VIII: An Insight into the Sources of the Liber Sextus*, in: *Bulletin of the John Rylands Library*, Вып. 83, 2001, с. 115–128.

39 G. DICKSON, *The Crowd at the Feet of Pope Boniface VIII: Pilgrimage, Crusade and the First Roman Jubilee (1300)*, in: *Journal of Medieval History*, Вып. 25, 1999, с. 289.

40 R. FOREVILLE, *Pèlerinage, croisade, et jubilé au moyen âge*, in: *Amis de Saint François*, Вып. 7, 1961, с. 48–61; R. FOREVILLE, *L'idée de jubilé chez les théologiens et les canonistes (xiie–xiiie s.) avant l'institution du jubilé romain (1300)*, in: *Revue d'histoire ecclésiastique*, Вып. 56, 1961, с. 401–423.

с крестовыми походами, в том числе индульгенции, сколько его политическое послание в связи с борьбой Бонифация VIII со своими противниками.

Интересными в свете выбранной темы являются сведения из произведения *Liber de vita Christi ac omnium pontificum* итальянского гуманиста Бартоломео Сакки, известного под прозвищем Палатина, который в своем труде ссылается на более древние источники и сообщает: „*Idem quoque suggestum condidit [...] apud basilicam Lateranensem quo execrationes in coena Domini fiunt. Quoque in locu et Philippum regem Franciae et Columnenses anathemate notavit.*“⁴¹ Отсюда следует, что построенный специально по приказу Бонифация VIII пультитум в Латеранской Базилике был использован для особых целей, связанных с церемонией проклятия своих врагов. Тот факт, что выше упомянутая булла *Nuper per alias* была вместе с *Antiquorum habet fida* еще раз торжественно зачитана папой именно в этом месте в день празднования Великого четверга, который выпал на 7 апреля 1300 года, обращает на себя дополнительное внимание.⁴²

Исследуя важные даты юбилея также нельзя не заметить, что несколько праздников в течение года играли особую роль в контексте юбилея. А именно, речь идет о Страстном четверге, дне освящения базилики Св. Петра (18 ноября), и, конечно, Рождестве, когда юбилей был завершен. В связи с этим подчеркнем, что папа отсутствовал в Риме большую часть года, находясь в своей резиденции в Ананьи, но в эти три раза он возвращался, чтобы появиться публично. Согласно теории А. П. Бальяни существует очевидная связь между формированием особой церемонии процессов против врагов церкви за период понтификата Бонифация VIII и изданием соответствующих булл в дни перечисленных церковных праздников, к которым он еще добавляет праздники Вознесения Господня и день кафедры Св. Петра (еще раз напомним, что именно в этом днем была официально датирована булла *Antiquorum habet fida*).⁴³ В таком контексте первый юбилей, несомненно, выполняет свою особую функцию.

Более того в складывании данной церемонии играют роль слова *Ad perpetuam rei memoriam*, которые объединяют воедино буллы Бонифация VIII так или иначе тематически связанные с борьбой против врагов церкви, включая такие знаменитые, как *Unam sanctam*, *Clericos laicos*, *Nuper per alias* и фреску в Латеранской базилике, которая согласно общему мнению изображает Бонифация VIII и до 1983 была однозначно связана в историографии с первым юбилеем.⁴⁴ Она со-

41 *Platynae historici liber de vita Christi ac omnium pontificum*, in: *Rerum Italicarum scriptores 2, III/I*, E. GAIDA (Ed.), Città di Castello 1932, с. 261, цитата из: S. MADDALO, *Bonifacio VIII e Jacopo Stefaneschi. Ipotesi di lettura dell'affresco della loggia lateranense*, in: *Studi Romani*, Вып. 31, 1983, с. 130.

42 *Les registres de Boniface VIII*, no. 3880.

43 А. П. Бальяни также анализирует предписания Ordo XIV связанные с празднованием указанных церковных праздников. А. Р. BAGLIANI, *Bonifacio VIII, l'affresco di Giotto e i processi contro i nemici della Chiesa. Postula al Giubileo del 1300*, in: *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, Temps modernes*, Вып. 112, No. 1, 2000, с. 459–483.

44 Первой этот факт оспорила в своих статьях S. MADDALO: *Bonifacio VIII e Jacopo Stefaneschi: ipotesi di lettura dell'affresco della loggia lateranense*, in: *Studi Romani*, Вып. 31, 1983, с. 129–150; *Alcune considerazioni sulla topografia del complesso lateranense*, in: *ROMANINI*, с. 621–632.

держит слова *Bonifacius Episcopus, Servus Servorum Dei, Ad perpetuam rei memoriam*, написанные на свитке пергамента, который держит стоящий рядом с папой священнослужитель. Папа стоит в недавно отстроенной ложе по его приказу (до наших дней не сохранилась) и благословляет толпу у своих ног, разделенную на священнослужителей и мирян. Эта фреска, вероятно принадлежавшая руке Джотто на самом деле является частью фрескового цикла. Сам цикл, предположительно, включал в себя также сюжеты крещения императора Константина и основание Латеранской базилики или, точнее, дар Константина папе Сильвестру I.⁴⁵ Но существует не только оригинал фрески в Латеранской базилике, но и ее изображение с шестнадцатого столетия, хранящееся в Амворсианской библиотеке в Милане. Между ними есть ряд отличий, которые значительно затрудняют анализ. Впрочем, реставрация оригинала привела к тому, что некоторые детали фрески были изменены, поэтому, например представляется проблематичным атрибутировать людей в толпе в качестве паломников. Не вдаваясь в детали искусствоведческого анализа, отметим, что существуют несколько гипотез в литературе в отношении того, какое событие изображает последняя фреска. Первое предположение основано на том, что фресковой цикл связан исключительно с Латераном и стоит вне конкретных событий, имея под собой единственную цель изобразить авторитет папской власти. Второе предположение состоит в том, что фреска изображает период до 1300 года, например, избрание папы и торжественную процессию проходившую 23 января 1295 года. И, наконец, третье предположение, которое продолжает рассматривать латеранскую фреску в контексте юбилея в качестве припоминания одного из важных дней этого года. Вслед за К. Фругони, А.П. Бальяни и Г. Диксоном, мы склонны видеть в ней празднование Великого четверга, т.е. 7 апреля 1300 года, когда были еще раз зачитаны обе важные буллы юбилея. Так или иначе, фреска только предзнаменует собой заключения *Unam Sanctam* и имеет гораздо больше общего с предшествующими событиями и с точки зрения главной идеи юбилея, т.е. примирения и объединения во имя спасения, она несет в себе глубокий политический смысл, отрицая сам смысл борьбы Филиппа IV и Бонифация VIII и при этом однозначно подчеркивая точку зрения папы.

В соответствии с этим нужно еще обратить внимание на особую роль Латеранской базилики в течение юбилейного года на которую указывал М. Маккарроне. На первый взгляд юбилей больше связан с базиликой Св. Петра, как в форме паломничества, так и издания булл. В течение второй половины тринадцатого столетия отношения двух базилик отражают прямое соперничество, как в области литургии, так и в организационных вопросах.⁴⁶

Однако за Латеранской базиликой по-прежнему остается особая роль, которая была продемонстрирована праздничной процессией в празднование Великого четверга, что по сути являлось вторичной манифестацией булл юбилея.

В завершение, стоит еще вспомнить, что за период понтификата Бонифация VIII наблюдалось необычайно расширенное продвижение образа папы в скульп-

⁴⁵ С. MITCHELL, *The Lateran Fresco of Boniface VIII*, in: *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, Вып. 14, 1951, с. 1-6.

⁴⁶ MACCARRONE, с. 731-752.

птуре, более того речь идет о возвращении того художественного направления, которое отражало портретное сходство. Позднее это даже стало поводом для обвинения папы в идолопоклонстве во время процесса, проводимого против него. Две статуи в исполнении Арнольфо ди Камбио были завершены как раз к 1300 году. На них папа был изображен держащим ключи в левой руке и с жестом благословения в правой. Этот жест благословляющего и провозглашающего понтифика весьма примечателен для выражения его политического и религиозного послания толпе.⁴⁷

Итак, анализ первого юбилея в контексте политики Бонифация VIII включает в себя множество аспектов, открывающих путь к его пониманию, при чем речь не всегда идет о явных характеристиках. Но так или иначе, необходимо рассматривать святой год как своеобразную веху в истории папства и как небывалый всплеск средневековой религиозности. Высокая степень зависимости этого события исключительно на воле папы и умелая адаптация революционного новшества в русло традиции, несомненно, предполагает более сложные взаимосвязи с конкретной религиозно-политической ситуацией. Очевидно, что свою роль в его учреждении сыграло множество факторов, включающих в себя стремление решить финансовые сложности, повысить авторитет папской власти и подвести черту в предшествующих политических конфликтах. Внимательное изучение буллы *Nuper per alias* на фоне формирования церемонии борьбы с врагами церкви за период понтификата Бонифация VIII позволяет применить к первому юбилею менее метафорические сравнение с крестовыми походами. Однако ключ к пониманию причин провозглашения святого года кроется не сколько в рамках обычной спиритуальной политики, проводимой святым престолом, сколько в соотношении концепций *ecclesia* и *christianitas* с концепцией *plenitudo potestatis*. Еще раз стоит подчеркнуть, что первый юбилей находился в самой тесной взаимосвязи с фигурой апостола Петра и фокусирует все внимание на Риме, как в эпоху крестовых походов оно было сфокусировано на Иерусалиме. Этот величественный праздник примирения явил свету Рим, как центр мира во главе с папой, который в отличие от светских правителей нес с собой только мир и всепрощение.

ABSTRACT

Inaugurated by Boniface VIII the First Holy year in response to popular enthusiasm was one of the greatest revivals of the Middle Ages. Jubilee was conceived officially on the basis of the Old Testament, as a special year of universal pardon, when the faithful made a remission of sins, and it was firmly linked to the crusade tradition. One of this controversial subject connected with the First Holy year is a fresco in the Lateran basilica by an artist, who may have been Giotto. And it depicts the pope in act of promulgating of Jubilee and contains a phrase *Ad perpetuam rei memoriam*. The same phrase was used in a lot of sources, which were associated with a struggle against the

⁴⁷ См. о том подробнее: N. RASH, *Boniface VIII and Honorific Portraiture: Observations on the Half-Length Image in the Vatican*, in: *Gesta*, Вып. 26, No. 1, 1987, с. 47–58; J. GARDNER, *Boniface VIII as a Patron of Sculpture*, in: ROMANINI, с. 513–527; G. SOMMERS WRIGHT, *The Reinvention of the Portrait Likeness in the Fourteenth Century*, in: *Gesta*, Вып. 39, No. 2, 2000, с. 117–134.

enemies of the Church during the pontificate of Boniface VIII. That category of enemies included a various persons, like the Colonna family, the members of the Franciscan Third Order, the King Frederick III of Sicily and the King Philip IV of France. Upon primary analysis follows, that we can talk about new making of the “malediction” ceremony linked with the Popes conception of power and its symbolism. Jubilee signified a great deal in this context.

KEYWORDS

First Holy Year; Jubilee; Pilgrimage; Boniface VIII; Medieval Religiosity; History of the Papacy

Yulia Maslova | Institute of World History, Faculty of Arts, Charles University, Prague
Nám. J. Palacha 2, 116 38 Prague, Czech Republic
juliamaslova@seznam.cz